

Данчи снова постучал в ворота Усадьбы Десяти Тысяч Слив.

Едва Управляющий Фу вышел, Данчи, не дожидаясь, пока тот заговорит, принялся сваливать ему на руки заранее подготовленные вещи и одновременно затараторил:

— Это лекарство для расширения меридианов, оно поможет Чуйсюэ укрепить природные данные.

— Это для укрепления здоровья, чтобы сделать тело сильнее.

— А это для закалки костей и плоти, чтобы заложить у Чуйсюэ прочный фундамент.

— И еще вот это...

Каждая фраза сопровождалась появлением нового свертка, пока в конце концов не выросла целая гора целебных трав.

Управляющий Фу, только выйдя за порог, опешил от налетевшего на него вороха пакетов и не успел среагировать вовремя.

Добро в его руках нагромоздилось выше человеческого роста, полностью заслонив ему обзор.

Заметив это, Данчи вдруг уголки губ приподнял, сменил тон и нарочито брезгливо протянул:

— Это все отвары, способ приготовления довольно сложный, я знаю, тебе всё равно не запомнить. Ладно уж, пойду сам приготовлю Чуйсюэ лекарство, а то еще перепутаешь чего!

С этими словами он попытался отстранить его и пройти внутрь.

Но Управляющий Фу мгновенно пришел в себя и, решительно загородив проход своей худой фигурой, не сдвинулся ни на дюйм.

Вытянув голову с озадаченным видом, он произнес:

— Не беспокойтесь, старый слуга всё запомнил.

Данчи подозрительно посмотрел на него.

Лицо Управляющего Фу осталось совершенно невозмутимым.

Обменявшись мимолетными взглядами, Данчи обошел его с другой стороны и снова попытался протиснуться внутрь:

— Все эти травы требуют особой техники приготовления отвара, ты не справишься.

Управляющий Фу по-прежнему стоял на пути, добродушно улыбаясь:

— Старый слуга, конечно, не умеет, но вот Хозяин — настоящий эксперт в этом деле. Уверен, Хозяин скорее предпочтет заняться этим лично.

Он улыбнулся Данчи:

— Вы просто запишите рецепт.

После нескольких безуспешных попыток Данчи в конце концов нетерпеливо зыркнул на него.

Управляющий Фу посмотрел на него и вдруг тяжело вздохнул, сокрушенно покачав головой:

— Перестаньте уже заниматься этими глупостями. Чтобы впустить вас, требуется личное распоряжение Хозяина, мы не смеем принимать такие решения по собственной воле.

Его взгляд на мгновение замер, а затем стал еще свирепее.

Управляющий Фу дернул щекой, но под этим убийственным взглядом не отступил ни на шаг.

Поглазев на него так еще с полминуты и поняв, что пробраться силой точно не выйдет, Данчи наконец со вздохом извлек из рукава лист бумаги и протянул его собеседнику.

Увидев это, Управляющий Фу сразу всё понял.

На бумаге были четко и подробно расписаны все входящие в состав травы, их свойства и способы применения.

Явно готовился заранее.

Разоблачать его он не стал, а только поднял голову и утешительно улыбнулся:

— Вы так добры к нашему Хозяину, на самом деле он всё помнит! Вам не нужно спешить, при первой же возможности Хозяин обязательно выйдет, чтобы лично поблагодарить вас.

Услышав это, глаза Данчи мгновенно засияли, и не успела в его сердце зародиться радость, как тяжелые ворота перед его носом с громким стуком захлопнулись, а последние слова растаяли за массивными створками где-то по ту сторону стены.

Перемена была столь внезапной, что Данчи даже не сразу сообразил, в чем дело, и на какое-то время замер с редким для него ошеломленным выражением лица.

Он тупо уставился на ворота и лишь спустя мгновение пришел в себя, но в голове крутился всего один вопрос.

Если Чуйсюэ будет благодарить лично, то когда именно наступит это самое лично? Прямо сейчас, что ли?

С этими мыслями он с надеждой уставился на ворота, его глаза ярко блестели.

Хотя ему вовсе не нужны были благодарности от партнера по даосскому пути, раз уж выпал такой повод увидеться, то пусть благодарит! Он впредь станет относиться к партнеру еще лучше.

Внутри Усадьбы Десяти Тысяч Слив прятался уединенный внутренний двор. На фоне буйной зелени других мест это пространство казалось чересчур мрачным и безжизненным.

Сейчас стояла весна — пора пробуждения природы и всеобщего цветения, однако стоило переступить порог этого двора, как в глаза бросались лишь коричневые тона.

Сплошные ряды голых стволов, на ветвях которых зеленели лишь редкие молодые листочки, а меж ними то тут, то там виднелись желтовато-зеленые плоды.

По сравнению с оживленной атмосферой в других уголках усадьбы, здесь царила зловещая тишина, граничащая с мертвенной, и висело тяжелое, неумолимое ощущение убийственной ауры, что никак не рассеивалось.

Причина крылась в том, что во дворе рос лишь один вид деревьев, и эти деревья распускали пышные цветы исключительно зимой; в остальные же сезоны они молчаливо отращивали листву, плодоносили, ничем не выделяясь среди прочих, и терпеливо ждали зимнего буйства красок.

В этом дворе росли только сливы.

Май уже миновал пору их цветения, и теперь они просто тихо ждали.

А исходившая от двора аура убийства брала начало от одного конкретного человека.

На каменном ступеньке в глубине сада неподвижно сидел мужчина в одеждах белых, как снег.

Он сидел молча, спиной к выходу, под сливовым деревом, возле каменного стола, казалось, полностью слившись с пейзажем этого двора.

Аура вокруг него напоминала утренний туман в саду — столь призрачная и отстраненная, что почти исчезала, отделяя его от бренного мира и мешая разглядеть истинный облик.

Но присмотревшись еще раз, человек начинал ощущаться острой, обнаженной донельзя мечом-кликом — холодной, пронзительной, источающей леденящую жажду крови.

Один лишь вид его со спины заставлял испытывать благоговейный ужас и мурашки по коже.

Белые одежды подобны снегу, гордый и холодный, как слива, недостижимый, словно вершина горы — глава Усадьбы Десяти Тысяч Слив, Симень Чуйсюэ.

В этот момент в его руке покоился длинный меч, а вторая рука неторопливо и методично протирала лезвие.

Движения были неспешными, на холодном и бесстрастном лице не дрогнул ни один мускул, однако от этой сцены странным образом веяло глубочайшей преданностью своему делу, придавая происходящему торжественную строгость.

Клинок уже сиял абсолютной чистотой, ослепительно-белая сталь сверкала куда острее, чем прежде.

Прекратив движения, он окинул оружие взглядом, отложил белую тряпицу на стол и замер.

На каменном столе также лежал чернильно-черный ножны.

Окончив протирку, Симень Чуйсюэ поднял ножны и медленно убрал туда меч.

И лишь проделав всё это, он слегка повернул голову в сторону.

Там, согнувшись в почтении, безмолвно ожидал человек.

У этого человека были седые волосы, но при этом удивительно гладкое, нежное и белое лицо, что выглядело крайне странно. В руках он держал множество самых разных свертков, источавших характерную горьковатую нотку лекарственных трав.

Когда Управляющий Фу прибыл сюда, Симень Чуйсюэ уже закончил тренировку, но вместо

того чтобы отдохнуть, снова сел за стол и принялся чистить оружие.

Не смея прерывать размеренных движений Хозяина, Управляющий Фу покорно ждал неподалеку.

Заметив, что глава наконец замер, старик тут же осторожно подался вперед с докладом.

Закончив рассказ о происшествии у ворот, он почтительно преподнес лекарства.

Симень Чуйсюэ уже развернулся к нему, и теперь на подчиненного падал ледяной, пустой взгляд. Он не взял вещи и ничего не ответил.

В его холодных, равнодушных глазах читалось лишь присутствие живого существа, но отражения в них не оставалось вовсе.

В таком неподвижном состоянии он казался искусно высеченной ледяной статуей.

Не дождавшись ответа, Управляющий Фу тоже не смел шевельнуться.

Хотя стоял май, со лба старика внезапно покатились капли пота.

Ощущая неприятный зуд на коже от стекающей влаги, он не решался поднять руку и вытереться.

В мыслях пронеслось, что Хозяин с каждым днем обретает все более грозное присутствие, от которого даже он терял смелость своевольничать.

Пот попал в глаз, и он неловко моргнул.

Наконец Симень Чуйсюэ подал голос, и эта оброненная вскользь фраза заставила сердце пропустить удар:

— Кажется, в последнее время я слишком распустил вас всех.

Его голос звучал холодно, лишенный каких-либо эмоций.

Управляющий Фу замер, и капля пота на его лице не выдержала и сорвалась вниз, ударившись о землю.

подавив желание прикоснуться к лицу, он вдруг ощутил, что свертки в его руках стали весить

не меньше тысячи цзиней.

Собравшись с духом, он попытался осторожно прощупать почву:

— Хозяин...

Лишенный чувств взгляд скользнул по его лицу, и одновременно раздался ледяной вопрос:

— Жемчужная пудра хороша в деле?

В глазах Управляющего Фу на миг промелькнуло смущение, и он не сразу нашелся с ответной репликой.

Мысленно старик подумал, что Хозяин, конечно же, обо всем знал.

Это предупреждение или...

— Будьте спокойны, Хозяин, я обязательно наведу порядок среди слуг, — поспешно поклонился Управляющий Фу, заверяя в верности.

Произнося это, он исподлобья бросил тревожный взгляд на лицо господина.

Такое ощущение преследовало его и раньше: теперь Хозяин стал человеком, которого он совершенно не мог просчитать.

На бесстрастном лице Симень Чуйсюэ не отражалось ничего, и Управляющий Фу оставался в полном неведении.

Столкнувшись с ним взглядом, старик тут же потупил взор.

Неизвестно с каких пор Хозяин начал внушать ему страх — чувство, прежде ему незнакомое.

Совсем как старый хозяин...

Проследив за ним взглядом, Симень Чуйсюэ равнодушно отвел глаза к вещам в его руках и холодно бросил:

— Отдай.

Услышав это, Управляющий Фу мысленно выдохнул, на его лице вновь появилась улыбка, и он поспешно протянул свертки.

— Хозяин, я просто подумал, что они действительно пойдут вам на пользу, поэтому и принес их внутрь.

Симень Чуйсюэ ничего не ответил, опустив взгляд на добро; выражение его лица оставалось непроницаемым.

Он поднял лежавший сверху лист бумаги и вгляделся в написанный текст.

Весь листок был исписан изящным, красивым почерком, в котором сквозило некое трансцендентное отрешение, рожающее чувство покоя и безмятежности.

Однако при более внимательном рассмотрении в иероглифах угадывалось множество скрытых углов; стоило коснуться их взглядом, как от бумаги исходила пронзительная, непреклонная и доминирующая острота.

Симень Чуйсюэ едва заметно нахмурился.

Помолчав с мгновение, он опустил лист.

Выждав еще немного, он поднял голову и окликнул:

— Управляющий Фу.

Снаружи усадьбы

Данчи бесцельно шагал туда-сюда перед воротами, с нетерпением заглядывая внутрь.

Солнце уже клонилось к закату, но он словно не замечал этого, неотрывно глядя на створки ворот.

Внутри слышался шум, и тяжелая дверь вновь приоткрылась.

Данчи тотчас кинулся вперед, но навстречу ему вышел сияющий широкой улыбкой Управляющий Фу.

Не давая задать вопрос, старик радостно протянул ему лист бумаги.

Данчи остолбенел и озадаченно уставился на него.

— Это закладная на недвижимость, — пояснил Управляющий Фу. — Подарок от Хозяина в знак благодарности.

Он улыбнулся:

— Видите, я же говорил, что Хозяин помнит всё ваше добро.

С этими словами Управляющий Фу добродушно посмотрел на Данчи, но вместо ожидаемой радости заметил лишь упорный, полный какой-то странной обиды взгляд.

Чувствуя себя неуютно под этим прицелом, старик не выдержал:

— Что такое?

С укором в голосе Данчи предъявил претензию:

— Ты же говорил, что Чуйсюэ выйдет лично!

— Кхм... — Управляющий Фу поперхнулся, вспомнив свое недавнее хвастовство, никак не ожидая, что тот запомнит каждое слово.

Не зная, что ответить, он замялся и после долгой паузы выдавил:

— Наверное... в следующий раз?

Данчи моментально замер, во взгляде мужчины невольно промелькнул упрек, но уже через секунду выражение его лица помрачнело.

— Ты соврал мне, — произнес он низким голосом.

Управляющий Фу забежал глазами и поспешил сменить тему:

— Это имущество под юрисдикцией Усадьбы Десяти Тысяч Слив, там находится лечебница.

Он вложил закладную в руки Данчи.

Взглянув на него, старик добавил серьезным тоном:

— Хозяин сказал, что у вас великолепные медицинские навыки, поэтому он надеется, что вы сможете сполна применить свои знания на благо людей.

Гнев утих. Услышав одобрение со стороны партнера по даосскому пути, Данчи сначала обрадовался, но следом ощутил укол совести и редкое для него смущение.

В искусстве алхимии он был мастак, но хвастаться медицинскими талантами не решался: даже если здешние места не делились на столь суровые ступени культивации, как Континент Тяньсюань, называть себя врачом он бы не посмел.

Целебные порошки смешивать он умел, но до высокого врачебного мастерства тут было далеко.

Заметив перемену в его лице, Управляющий Фу поинтересовался:

— Что не так?

Конечно же, Данчи не стал ему признаваться. Гордо выпятив грудь, он заверил:

— Пустяки. Передай Чуйсюэ, пусть не переживает, я отлично управлюсь с нашим имуществом.

Управляющий Фу споткнулся на ровном месте и, кашлянув, поправил его:

— Вообще-то, Хозяин подарил это вам, так что теперь оно принадлежит только вам.

Данчи небрежно отмахнулся:

— Мы с Чуйсюэ одно целое, к чему эти разделения?

Управляющий Фу: «.....» Но Хозяин-то как раз и хочет отгородиться от вас стеной!

Полный боевого духа, Данчи сжал кулаки и громко пообещал, глядя в сторону усадьбы:

— Чуйсюэ, я во всем разберусь как надо!

Он обязательно заставит Чуйсюэ оценить его способности.

Проводив взглядом удаляющуюся спину, Управляющий Фу еще долго стоял у ворот, а затем виновато провел рукой по лицу.

Эх! Положение обязывало, он действовал без выбора!

Бросив полный раскаяния взгляд на радостно прыгающую фигурку вдару, старик мысленно взмолился: только бы при сведении счетов потом не пришли за ним!

<http://bllate.org/book/22050/2292945>